

"Русское Слово", г. Москва.

1911 г. 10 февраля

Памяти В. В. Коммиссар- жевской.

Как мы стремились къ тебѣ, свѣт-
лое, чистое воплощеніе лучшихъ на-
шихъ мечтаній!

Как мы полюбили тебя! Ты при-
шла къ намъ и радостная, и глубоко
страдающая.

Вотъ—ребенокъ. Посмотрите, какъ
хочетъ ея юное, ребяческое лицо;
посмотрите,—сколько свѣта въ лучи-
стыхъ глазахъ. Они, эти глаза, рас-
крылись и стали широкіе-широкіе, со-
всѣмъ круглые, и въ нихъ столько
милаго озорства, добродушнаго лукав-
ства, неудержимаго веселья. Душа, оза-
ренная солнцемъ; ребенокъ, пришедшій
въ міръ, чтобы радоваться радостями
земли, не сознавая, что въ его чистой
душѣ онъ становится небесными ра-
достями.

«Юность»... «Бой бабочекъ»... «Ги-
бель Содома»... Первые акты «Норы»,
«Волшебной сказки»...

Милая, свѣтлая, радостная, какъ
хорошо!

Какъ хороша жизнь!

И потомъ—потомъ вся гамма чувствъ
и ощущеній вырастающей, выросшей
души.

Тревога передъ тѣмъ, что радости,
казавшіяся вѣчными, должны помя-
нуться, исчезнуть «при словѣ холо-
дного разсудка». Смѣявшіеся по-дѣтски,
округлившіеся глаза продолжаютъ быть
круглыми, но теперь они расширялись
уже отъ изумленія.

— Какъ? Вездѣ только пошлость?
Да страданіе? Да непониманіе людьми
людей? непониманіе самыхъ близкихъ,
равнодушіе и недоброжелательство къ
дальнимъ. И безжалостность. И хо-
лодная жестокость...

Страданіе, глубокое, острое, загорает-
ся въ глазахъ, ярко выражено всею
поблѣдившимъ, измѣнившимся, уга-
вшимъ лицомъ. Голова, только-что быв-
шая веселой, безпечной головкой, ник-
нетъ, готовая опуститься; хрупкая фи-
гурка готова согнуться подъ тяжестью,
легшей на юную душу.

Готова согнуться... Но еще моментъ,—
и новая, неожиданная сила опять сіяетъ

въ полныхъ новымъ выраженіи глазахъ.
Въ нихъ—скорбь, въ нихъ—гнѣвъ, въ
нихъ—презрѣніе къ тому, что давило
и угнетало, въ нихъ готовность про-
тивостоять силѣ зла и ничтожности
силу заорывшейся страданиями души.

Поднята уже снова къверху голова;
выпрямилась хрупкая, ибжалая фигура,
и сколько въ ней мощи, духовной мощи,
которой хватаетъ не только для себя,
но чтобы выпрямить и заразить ею
множество другихъ.

Как мы стремились къ тебѣ, свѣт-
лое, чистое воплощеніе лучшихъ на-
шихъ мечтаній!

Как мы любили тебя и какъ стре-
мился на свѣтъ твоей души.

Какъ испуганы были мы страшной,
непознательной вѣстью, что ты умерла.

Плакала вся Россія. И провожала
тебя вся Россія на всемъ протяженіи
твоего послѣдняго печальнаго, но тор-
жественнаго пути.

И клялась, что никогда не забудетъ
тебя, всегда будетъ хранить въ луч-
шемъ уголкѣ своей души.

Говорятъ теперь, что эти клятвы
были лживыми клятвами. Говорятъ, что
уже теперь забыли мы, черезъ одинъ
мимолетный годъ.

Говорятъ такъ потому, что годовщи-
ны смерти твоей не сумѣли мы сдѣ-
лать днемъ скорбнаго торжества, не
сумѣли объединиться вокругъ твоей
свѣтлой памяти.

Да, не сумѣли. Но это не значитъ,
что забыли.

Жизнь бьетъ насъ изъ дня въ день,
волнуетъ, мучитъ, душитъ, и мутной
становится душа и, какъ взбаламу-
ченная поверхность воды, не можетъ
отражать ясныхъ, свѣтлыхъ образовъ.

Не собрались какъ слѣдуетъ почтить
первой годовщины твоей смерти. Но
не забыли. Слышишь ли? Вѣришь ли
намъ? Не забыли. Не чувствуемъ вѣ-
стѣ, но каждый въ отдаленности будетъ
сегодня мечтами съ тобою, будетъ
отогрѣвать свою душу мыслями о тебѣ.

Сегодня мы будемъ съ тобою.

И ты—съ нами?..

СЕРГѢЙ ЯБЛОНОВСКІЙ.